

Портрет автора очерка Марка Демидова исполнен фотохудожником Сергеем Переносенко.

Мы оба родились в МНР в 1945 году, она в Улан-Баторе, в ноябре, я в пос. Дзак Баянхонгорского аймака, в сентябре.

...Впереди оставалось еще 300 км до Улан-Батора по гладкому шоссе. Едем, мерно покачиваясь и подрёмывая, тракт пролегает по степи, среди мягких зеленоватых холмов; рядом въётся грунтовая дорога, видимо, для тех местных жителей, которые не любят ездить по шоссе. Остановка в степи, женщины бегут к деревянной будочке, мужчины чинно выстраиваются за автобусом, справляя свое нехитрое дело... В пути уже свыше семи часов, а дороге нет конца. Собственно говоря, в МНР всего две шоссезные дороги: одна пронизывает страну с севера на юг от Бурятии до границы с Китаем, другая тянется к западу от столицы на тысячи километров до Алтая.

* * *

А началось путешествие в Монголию с того, что в конце августа 2015 года мы с сестрой Галей, в преддверии нашего семидесятилетия, решили совершить путешествие в Монголию, так сказать, по следам наших родителей.

Сразу внесу ясность в сложные сплетения нашего обширного семейства... Моя мама Елена Константиновна Демидова, имея двух сыновей, в начале войны развелась с Павлом Демидовым. Весной 1944 года группа иркутских врачей-чумологов под начальством моей мамы выехала в Монголию для подавления вспышки чумы, и в составе группы был наш с Галей отец — Пётр Прокопьевич Тарасов. И хотя у Петра Прокопьевича в Союзе осталась семья (жена, две дочки и тёща), между ним и Еленой Константиновной вспыхнула любовь, и в 1945 году родился я. Но в этом же году и семья Тарасова (жена, две дочки и тёща) приехала в Улан-Батор, где и родилась Галя. После погашения вспышки чумы в 1947 году маму с семьёй (трое сыновей и её мать) перевели в Улан-Батор. Мой, да и Галин отец, Пётр Прокопьевич, вернулся в семью, и его с семьёй в том же году перевели в Иркутск. Отчество мне мама дала Павлович, как и у старших братьев, а также свою фамилию; в графе «отец» в моем свидетельстве о рождении стоял прочерк. И бысть мне, бастарду, по крови Марком Петровичем Тарасовым, а не судьба, но родителям своим я остаюсь благодарен. А уж когда мой дорогой отчим Василий Павлович Смирнов женился на маме, взял её с тремя сыновьями, она родила ему ещё троих детей, сына и двух дочерей.

Связавшись с нужными людьми и основательно подготовившись к поездке, днем 23 августа мы уже добрались до пограничной таможни, оставив за спиной перегон на поезде до Улан-Удэ и 300 км в комфортабельном автобусе через южную Бурятию. Досмотр вещей прошёл быстро и бесконфликтно, и через несколько минут мы подъехали к столовой в первом монгольском поселке, Алтанбулаг.

* * *

...1943 год. Разгар Великой Отечественной войны. Страна переживает титаническое напряжение — и на фронте, и в тылу... И в этот год Монгольская Народная Республика обращается к Советскому правительству с просьбой помочь ликвидировать большую вспышку чумы в глубине западной Монголии, немного северней от пустыни Гоби. Москва дала добро, и решением Наркомздрава СССР на базе Иркутского противочумного института был спешно организован отряд врачей-специалистов — эпидемиологов, микробиологов, бактериологов, зоологов, а также лаборантов, медсестёр и санитаров, и с соответствующим оборудованием, снаряжением и медикаментами отправлен в соседнюю братскую страну на борьбу с «чёрной смертью», этим страшным природно-очаговым заболеванием. Прибыв в Улан-Батор в мае 1944 года, колонна машин отправилась дальше в посёлок Дзюк-Сомон (точнее, пос. Заг Сомонского района) Баянхонгорского аймака (области) почти в 900 километрах к западу от столицы Монголии.

* * *

Вечером в Улан-Баторе нас встретили на автовокзале и затем разместили в двухместном скромном номере без холодильника и телевизора, со всеми удобствами в коридоре. Утром едем в Национальный центр зоонозных болезней, аналог нашего Иркутского противочумного института, где нас радушно принимает в своём кабинете директор Центра Д. Цогбадрах. Мы вручаем им архивные документы (карты) 12 (!) очагов чумы, обнаруженных в Монголии Василием Смирновым, моим отчимом, портреты Смирнова и Петра Тарасова, нашего с Галей отца, суве-

ниры и подарки. Директор вручает нам книгу об истории борьбы с чумой в МНР с фотографиями всей нашей с Галей родни: отчима, нашего отца, её и моей мамы и даже нашей тёти Валентины Тарасовой. Для нас с Галей было поразительно встретиться со своими родителями, пусть даже в книжном варианте; наши монгольские хозяева были не менее удивлены визитом «достойных детей» ещё более достойных родителей; я же был потрясён, увидев на одном из разворотов своих обоих родителей: они-таки встретились вновь после полувековой разлуки...

* * *

...Советские врачи, по прибытии в Дзюк-Сомон, тотчас же развернули весь комплекс противоэпидемических и санитарных мероприятий. Немедленно был оцеплен с помощью военнослужащих МНР весь огромный район предполагаемого очага чумы; перекрыты скотопрогонные традиционные дороги; начаты возможно раннее обнаружение и ликвидация очага чумы и изоляция заболевших; тщательное обеззараживание жилищ (юрт) вещей больных чумой; сбор, захоронение или сжигание тел людей, умерших от чумы, и их юрт; устройство пропускных пунктов для медицинского осмотра всех прибывающих в район; организовано санитарное просвещение монголов-аратов. Вся эта работа требовала колоссальных затрат, знаний, умений и усилий, физических и психических, причем в обстановке постоянной опасности, исходящей от больных или переносчиков болезни, и поэтому требующей предельной собранности и осторожности, когда имеешь дело с таким опаснейшим заболеванием, как чума.

* * *

В Центре нам показали и музей с чучелами животных, переносчиков чумы в природе (через блох!): грызунов — сурки-тарбаганы, пищухи, суслики, крысы, мыши; степных лисиц, хорьков, огромного зубастого волка, многочисленных птиц и прочей живности.

Потом мы проехали по Улан-Батору. Столица нас поразила: отстроенный за последние 20 лет современный город, в котором поработали дизайнеры и строители из разных стран (большей частью из Китая), с великолепными высотными домами и гостиницами, ярко выраженным центром, где, впрочем, современные строения органично сочетаются со старинными постройками. Но Улан-Батор («Красный богатырь») — это город одной улицы длиной свыше 20 километров посреди широкой долины и окружённый холмами.

Поразил Улан-Батор — растянувшийся на многие километры «европейский» город с его современной архитектурой, жутким уличным движением, музеями и обилием счастливых семейных пар с ребятишками, парк динозавров в натуральную величину в Баянхонгоре, непритязательный Заг с несколькими каменными домами и юртами и речкой, на которую я, как помню, с родителями ездил на рыбалку, когда мне отроду было два годика! Историческое сердце Монголии, где в 1206 году Великий курултай выбрал Чингисхана Великим Ханом. Радушные араты, сгоняющие свои неисчислимые стада на мотоциклах (?). И, наконец, удивительные по красоте пейзажи, безбрежные монгольские долины, горы и скалы! Недаром Монголия так привлекает туристов со всего мира, поскольку она, пожалуй, единственная из многих восточных стран, где ещё сохранилась природа в её первозданном виде.

Монголы с исходом Чингисхана со своими воинами на запад рассеяли свою пассионарность, на её огромную территорию уже к средним векам постепенно прикочевали тибетские миссионеры, и на многие столетия вся страна как бы погрузилась в глубокий летаргический сон, оставив неграмотных бесправных и забитых аратов в духовной власти мощнейшей и могущественной касты буддистов, составлявших ещё в 1934 году около 45% населения с их почти 840 главными буддийскими монастырями и 300 храмами. И всех их надо было кормить! Сейчас складывается впечатление, что Монголия постепенно просыпается от вековечного сна и начинает собирать свою духовную силу и энергетику в единый кулак.

И происходит любопытный исторический парадокс: те же 45% населения теперь уже перебрались в города и занимаются своим делом, но их так же надо кормить! Чем и занимаются монгольские араты, сильный, выносливый, непритязательный и терпеливый народ, готовый в своей довольно суровой среде обитания к любому повороту событий — от неожиданного наезда гостей или начальства до бескормицы в зимнюю стужу. Люблю Монголию, свою малую, но первую родину, и мечтаю вновь посетить её!

Обедали в уютном кафе рядом с гостиницей. Монгольская кухня традиционно определяется продуктами скотоводческого хозяйства: мясо — баранина, говядина, конина, не брезгуют и верблюжатиной с ячатиной. Блюда из мяса и теста — чебуреки, пельмени, манты и просто лапша с мясом. Свиной монголы не держат, уж больно прожорливая скотина, в скудных монгольских степях её не прокормишь. Не видел я в степях и коров, это животное нежное, ей зимой нужно сено, которое араты отродясь не заготавливали. Традиционные молочные продукты — чай с молоком, сыры, сушёный творог, пенки, молочная водка «архи», аналог бурятского «турусуна», кумыс, топлёное масло, молоко всех сортов — ячное, кобылье, верблюжье, овечье и козье.

После обеда по совету монгольских друзей отведал улан-баторского (особый бренд!) мороженого: и сладко и гадко! Позже мне объяснили, что в него добавляют бараний жир. Люблю Монголию, люблю баранину, но мороженое с бараньим жиром — это чересчур...

Прогулялись по городу. Вижу, на ступеньках универмага сидит со строгим лицом морщинистая старушка в бордовом дели и белой шапочке. Она не нищенка, она предприниматель, продавец сигарет и дешёвеньких конфет поштучно. Купил сигарету и пару конфет, дал не скупясь денег. Она повеселела, что-то пролепетала, я её приобнял за плечи. Уже было подружился, но тут ей перевели, что мы «оросууд», т.е. русские, она, видимо испугавшись, оттолкнула меня и закрыла лицо рукавом. Так что со старшим поколением нужно обращаться бережно и осторожно...

Затем мы отоварились сувенирами в магазинчике и посетили музей-дворец Богдыхана VIII, сохранивший с 1924 года мебель, украшения, одежду, культовые и ритуальные принадлежности. Фотографировать там было нельзя, и поэтому я украдкой сделал несколько десятков снимков, наслаждаясь внутренним убранством, маленькими дворишками и всем архитектурным ансамблем дворца в буддийско-индийском стиле. А наутро предстояла поездка в Баянхонгор.

* * *

Комфортабельный автобус мягко мчит по асфальтовому шоссе, в небе ни облачка, по обеим сторонам зеленоватые холмы вперемежку со скалистыми при-

земистыми горами и скалами, далёкими юртами с рассеянными по долине стадами овец и табунами лошадей. Попадаютя немногочисленные речки, озера, водоёмы, порой впритык к дороге, с возлежащими около них животными, а иногда и стоящими прямо в воде. Несколько раз автобусу приходилось останавливаться, чтобы пропустить огромное стадо овец и коз, шумной и суетливой толпой торопливо перебегающих через тракт.

Впереди почти восемь-девять часов пути, или 700 километров. Мы с Галей сидим на переднем сидении — и обзор, и возможность фотографировать на ходу. По радио звучит песня, современная. Чистый хрустальный женский голос и мягкий баритон. По интонации догадываюсь, что песня о Большой любви: вот построим мы уютную юрту, и будет у нас семь детей, много-много овец и восемнадцать верблюдов, яки и кони, и много-много кумыса, чтобы угощать гостей... Хорошая песня, мне понравилась.

Остановка на обед. Столовая, три-четыре магазинчика, юрты, что-то вроде заправки. Подбежали ребятишки, предложили купить кумыс. Купил, отведал. Отобедали (ах, какая монгольская лапша с баранинкой!). Подошла Галя с кустиком травы семь-восемь сантиметров высотой. В нос ударил резкий душистый запах. Это монгольская полынь «емшан», пояснила Галя (а Галя — ботаник, и даже кандидат биологических наук). Так вот, рассказывает она, в стародавние времена монголы во главе с молодым ханом, одним из чингизидов, задержались в степях Северного Кавказа, и пожилым воинам захотелось вернуться домой к своим семьям и родным стойбищам. Но молодой хан ни в какую, и они обратились к уважаемому старику. «Я попробую», — сказал он, и утром дал хану понюхать емшан. Тот понюхал, вздохнул и дал команду: «Домой!». И войско повернуло назад...

* * *

В Баянхонгор («богатый + милый») приехали ближе к вечеру после десяти часов в дороге. Встретили нас очень тепло. Директор местного Отделения Центра зоонозных болезней доктор Баансанху первым делом пригласила нас в ресторан «Буян». «Это для буянов?» — осведомился я. «Нет, — последовал ответ, — это для богатых и милых людей». Ужин состоял из огромных блюд, заваленных мясом, овощами и рисом по-китайски.

Затем нас повезли в Парк динозавров, выполненных в натуральную величину по образцу обнаруженных на территории аймака — север пустыни Гоби. Единственный такой парк в Монголии, не считая ещё одного, сооруженного в недавнее время под Улан-Батором для любознательных туристов. Парк нас с Галей удивил. Огромная мамаша в сопровождении шести детишек, здоровенный динозавр-крокодил с ребёнком на спине, длиннющий, метров под двадцать, динозаврище-диплодок, с маленькой головкой и шестиметровым хвостом; одинокий, но явно крокодиный динозавр высотой и длиной более пяти метров, ставший на дыбы и выставивший вперёд свои двухметровые лапки. (Я, осмелев, встал под ним и изобразил такую же позу нападения...) Исполинская черепаха два на четыре метра (неужели и такие водились?). Фонтанчики, аттракционы, лотки со сладостями и шариками, детишки, счастливые мамы, словом, хорошо!

Около местной противочумной станции нас уже ждал микроавтобус, готовый доставить нас до пос. Заг. На станции работают 30 человек, несколько врачей, микробиолог, зоолог, эпидемиолог, имеются карантинные боксы, лаборатории и

необходимое современное оборудование. В конце 60 — начале 70-х годов станцию из Зага перевели в областной центр Баянхонгор, и недавно они отметили свое 70-летие, которое, как я подозреваю, совпало с нашим с Галей семидесятилетием. Часов в восемь вечера мы тронулись путь. По карте нам предстояло преодолеть 203 км, но фактически мы проехали все 250. В Монголии 16 аймаков. В самом Баянхонгорском аймаке около 20 сомонов (районов) с общим населением примерно 80 тыс. человек, из которых 42 тысячи проживает в самом Баянхонгоре, 1800 человек в Заге, куда мы направлялись. Остальные 36 тысяч монголов рассеяны по громадной территории аймака, размером крупнее среднестатистической европейской страны, вплоть до Внутренней Монголии. Есть где разгуляться, как в Сибири, где 500 км — не расстояние...

* * *

...История чумы — «черной смерти» — глубока и кровожадна. О ней свидетельствуют и библейские сюжеты, и описания «Юстиниановой чумы» VI века н.э., унесшей многие миллионы людей в Египте и во всём средиземноморском цивилизованном мире; эпидемия «черной смерти» в Европе XIV века, погубившей одну треть её населения — свыше 25 миллионов человек; эпидемии в Лондоне (1664–1665), в Москве (1771), чудовищная пандемия в Китае и Индии в конце XIX — начале XX веков, в которой стали жертвами свыше 12 миллионов человек. Список можно продолжать, он огромен и трагичен.

* * *

На обоих дверях нашего «рафика» красовались эмблемы Баянхонгорской противочумной станции, сразу видно — спецмашина! Кстати, монголы очень уважают наши газики и рафики, наш вездеход прост в управлении и ремонте и надёжен, как верблюд. На передних сидениях — шофер и я с фотоаппаратом, в просторном салоне наши дамы: начальник станции доктор Баансанху, старейший зоолог отделения и, как выяснилось позднее, кавалер ордена «Полярная звезда», профессор Ж. Батаа, сестра Галя и наша переводчица Халиум, студентка БГУ.

В степной Монголии, как известно, дорог нет, есть направления. По широкой долине параллельно друг другу по обеим сторонам могут пролегать по четыре-пять-шесть укатанных дорог, так что одновременно в одном направлении могут двигаться сразу несколько машин, а им навстречу, только с другой стороны, столько же, поднимая тучи пыли в жаркую погоду. Видимо, и дорог пробили так много, чтобы не глотать напрасно пыль. А в целом, хоть и пыльно, но не грязно. Там, где долины сужаются, дорог остаётся две-три, а то и меньше, и они идут на подъём, через маленький перевал, по сторонам появляются скалы и скалочки или холмы и холмики, что ласкает взор и смотрится очень мило. В узком месте дорога мягко скатывается вниз, в следующую долину, и виды отсюда открываются очень живописные: сама долина, речушка, озёрца, зелень, стада скота и белые юрты, разбросанные по долине. Время от времени на обочине встречаются «обо», кучки камней высотой метр-полтора, обвязанных разноцветными тряпочками. Святое место, шофер обязательно каждому сигналиит. А в салоне, спустя полчаса езды, уже раздалось песнопение, мелодичные монгольские песни, и моя Галя тоже, хоть и не понимая ни слова, азартно всем подпевала. Монголы вообще очень радушные

дружелюбные люди, не испорченные цивилизацией, как, скажем, москвичи, ну и, разумеется, дамы сразу передружились.

* * *

*...В России сложилась уникальная, единственная в мире карантинная противочумная служба. Была организована сеть противочумных институтов с соответственной специализацией в области особо опасных природно-очаговых и зоонозных болезней, включая Саратовский НИИ микробиологии и эпидемиологии (в будущем головной институт службы «Микроб», 1918), Иркутский (1934, референс-центр по природно-очаговым болезням) и другие, а также более двадцати противочумных станций (ПЧС) от Приморья до Черноморья. С 30-х годов и по настоящее время противочумная служба не только проводила и проводит исследования *Yersinia pestis* (и других возбудителей особо опасных инфекций) и производит сыворотки и вакцины, но и ведёт активную практическую деятельность по мониторингу старых («спящих») природных очагов чумы и выявлению новых. С этой целью ежегодно проводятся полевые экспедиции, в ходе которых отлавливаются суслики, пищухи, сурки-тарбаганы и другие грызуны и проводятся бактериологические исследования. Разумеется, проводится контроль и над другими зоонозными инфекциями (туляремия, ящур, сар и пр.).*

* * *

Тем временем смеркалось. Дорога, по которой мы мчались, уходила то влево, то вправо, входя в какое-нибудь стойбище, то раздваивалась, растраивалась и даже расчленилась, а то и загибалась назад, когда пересекали брод или болотце. Настала ночь, по обеим сторонам стена тьмы, едем как в туннеле, ни зги ни видно, только шофёр, вцепившись в баранку, судорожно крутит её, интуитивно угадывая нужную дорогу впереди под фарами. А если случается бугорок или холмик, то свет задирается вверх, и мы проваливаемся в густую темноту, потом обрушиваемся вниз, а там опять какой-то поворот. Ощущение, прямо скажем, не из приятных, я сидел, вцепившись в поручни, как штурман в ночном ралли... А дамы безмятежно распевали. Послышался звонкий Галин голосок, в ход пошли уже русские песни. Молодцы!

Закипела вода в радиаторе. Остановились, размяли ноги. Уже часов 10-11 вечера, а где же Заг?! Пение в салоне прекратилось, наши дамы, видимо, утомились от пения и постоянной тряски; Халиум, свернувшись калачиком на заднем сидении, сладко спит. В 12 часов крупная поломка — полетело зажигание. Шофёр вскрыл капот и все ящички, остервенело пытается стартером завести двигатель. Дамы спят, я стою рядом с «рафиком», курю. Подъезжает машина, потом другая, все дружно роятся в моторе, пока безрезультатно. Вдруг подъезжает милицейский «газик» (и это в полночь, в степи, причём неизвестно где!), выходят два упитанных полицейских, присоединяются к ремонтной бригаде. Мы разговорились, причем на ломаном английском языке (чудеса, Господи! Но это Монголия. В степи, даже ночью, бурлит жизнь...). «Рафик» всё-таки завелся, видимо, испугавшись ночных полицейских. В мой родной Дзюк-Сомон, а по-местному просто Заг, мы добрались около трёх часов ночи, нас накормили и уложили спать в пятиместной гостевой юрте.

По прибытии в Дзюк-Сомон моей маме, врачу-бактериологу и паразитологу Елене Константиновне Демидовой, относительно молодой женщине, привезшей с собой двух малолетних сыновей и мать для присмотра за ними, с первых дней пришлось активно заниматься созданием первой в Монголии противочумной станции: строительством юрточного и палаточного городков, организацией карантинного режима и противочумных мероприятий, выявлением всех умерших или заболевших от чумы аратов и членов их семей, сбором и обработкой полевых материалов, изучением штаммов возбудителя, выделенных от животных и блох, составлением и ведением скрупулезной отчетности. А ведь сбор материалов и общий мониторинг ситуации зачастую проводился на местах, верхом на выносимых монгольских лошадаках, причём в любую погоду...

* * *

Из эссе «А мне уже полтинник»:

«В двух вещах я уверен: вряд ли мои родители за год до моего появления могли точно предположить место и столь удачную дату моего рождения. И то, и другое совпало к северу от Северного Гоби, в девятистах километрах к юго-западу от Улан-Батора, столицы одной из стран Дальнего Зарубежья: пос. Дзюк-Сомон Баянхонгорского аймака. Родители мои были не праздными туристами, о которых монголы не ведали в течение тысячелетий до середины прошлого века, но врачами-эпидемиологами, точнее, чумологами, выехавшими в эти места из Иркутска в 1944 году в составе группы советских врачей для выявления изучения природных очагов чумы, борьбы с эпизоотиями и эпидемиями этой страшной болезни, создания противочумной карантинной службы в МНР.

Одним словом, родители работали, пропадая в экспедициях днём и ночью, неделями и месяцами. Так что образованием моей личности в условиях суровой гобийской действительности активно занималась моя бабушка, Зинаида Алексеевна Ляпунова, одна из 17 детей могучего Мараткановского клана из Чебоксар, красавица, получившая, по нашим меркам, высшее педагогическое образование ещё до революции. Под её руководством оба моих брата, Ярослав и Валерий, были обучаемы на дому, потом в Улан-Баторе, и по возвращении в СССР отданы во второй и пятый классы соответственно. С братьями она возилась, со мной не чинилась, тем более с тех пор, когда я окончательно выплюнул изо рта соску из кусочка сушёной баранины и впервые вылез из ограды на простор монгольских степей. Детство есть детство, счастливая и солнечная пора, и я, вместе с такими же сопливыми друзьями-монгольчатами, добросовестно копался днями в пыли и навозе, постигая азы монгольского языка и международного общения. Игрушек заводных не было, книжек детских также, ни фруктов, ни овощей; главное лакомство — конфета, кусок свежесваренной баранины и ломоть свежеспеченного хлеба, который наша интеллигентная бабушка, бывшая жена кадрового белого и затем красного офицера, искусно выпекала в настоящей русской печи, оставшейся вместе с домом в наследство от ушедших от Советской власти казаков, некогда поставивших этот дом в Дзюк-Сомоне.

О многих цивилизованных вещах я и не подозревал, да они и не нужны были там для живучего парнишки, чей чистый пытливый взор наслаждался всем, что ползало, прыгало и бегало по земле или летало в ярком синем монгольском небе. И поэто-

му, просмотрев знаменитую «Ургу» Никиты Михалкова, я был потрясён, увидев, может быть, себя в образе пятилетнего монгольского мальчугана, главного, вероятно, героя фильма: огромные доверчивые глаза, с радостью внимающие всему, на что обращается внимание, что видит взор, слышит ухо, к чему тянется рука.

Думается, что в те уже далёкие времена врачи нашей маленькой русской колонии, друзья-монголы, родители мои, бабушка и мы, три брата-акробата, не были перегружены текущей информацией любого рода, поскольку при отсутствии газет, журналов, радио, телефона и даже телевидения, контакт с внешним миром был сужен до двух-трёх минут радиосвязи, на которую наш радист выходил дважды в сутки. О важнейших событиях все, рано или поздно, конечно, узнавали, будь то взятие Берлина, окончание Великой Отечественной или, возможно, капитуляция Японии на борту крейсера «Миссури», тем более, что два года спустя наша семья переехала в Улан-Батор, на противочумную станцию, где события местного, регионального и глобального масштабов освещались более регулярно. Знали все, кроме меня и Фильки, нашего домашнего сурка-тарбагана, моего ровесника: я был мал и беспечен, он был неразумен, но ласков, и нам обоим было хорошо. Но именно Филька стал причиной первой драмы в моем детстве: он задохнулся от дыма в одном из ходов печи, где устроил себе гнездо на зиму, а печь начали осенью топить...»

* * *

Проснулись поздно, часов в 11. Похлебав наскоро чайку, отправились на приём к председателю сельсовета. На входе в здание установлена крупная таблица с надписью на английском языке: «Governor's Office of Zag Soum, Bayankhongor Province» с переводом на монгольский язык. Председатель сельсовета Д. Шаравнямбу, моложавый и симпатичный мужчина лет пятидесяти, приветливо встретил нас в своём кабинете на фоне величественного Чингисхана с его именем на древнемонгольском языке. По окончании церемонии он вручил каждому по книге об истории Зага, изданной к его 90-летию, памятные значки и знак «Почетный житель Сомона», что для нас было большой честью. На противоположной стене кабинета висела громадная карта сомона 2 x 3 метра, скорее всего, секретная, с указанием, видимо, всех стойбищ, степей, гор и рек, а также почему-то диких животных. Под этой картой я просто не мог не сфотографироваться.

После завтрака мы с председателем решили прогуляться по поселку, дошли и заглянули вовнутрь полуразрушенного здания старой больницы, в которой мы с ним оба некогда родились, в 1945 и 1960 годах соответственно.

На окраине поселка нас поджидала вся наша команда у небольшого пустыря, на котором некогда стояла та самая, первая в Монголии, противочумная станция, которой руководила поначалу моя мама, начиная с 1944 года. Подошёл пожилой монгол с трубкой во рту, и, узнав, кто мы такие, рассказал, что в далеких 40-х годах его маму, молоденькую девушку, спасли советские врачи в белых халатах. А сама станция, подтвердил он, стояла вот здесь, на этом самом пустыре.

* * *

А недалеко от пустыря протекала речушка, на берегах которой наши врачи устраивали редкие пикники с рыбалкой и брали меня с собой. И я помню, как, до-

бравшись до нужного «рыбного» места, т.е. достаточно глубокого, женщины занялись костром и едой, мужчины проишлись неводом по всей ширине речушки и сразу же вытащили здоровенный ворох бьющейся на солнце рыбы! Я был в восторге, бегал по берегу и, кажется, чуть не свалился в речку. Что там советские врачи ели и пили (а было что, догадайтесь!), меня не интересовало, я прыгал по берегу и кидал камушки в речку...

Меня разбирали разные чувства и мысли, думаю, что был просто счастлив в тот момент — я-таки добрался и посетил места, где появился на свет Божий. *I welcome you, Mongolia, for the third time!!!*

...Командировка в МНР безвыездно длилась почти шесть лет. С 1945 года руководителем группы советских врачей был Василий Павлович Смирнов, из курских крестьян, врач-эпидемиолог, прошедший путь от медбрата санитарного поезда времён гражданской войны до директора института, от младшего научного сотрудника до доктора медицинских наук. В 1945–1950 годах — начальник центральной противочумной станции в Улан-Баторе и заведующий вакцино-сывороточным отделением, а по совместительству ещё и являлся завкафедрой микробиологии Монгольского университета. Вернувшись с новой семьёй в СССР, работал на Приволжской противочумной станции под Астраханью, затем с 1952 г. в Ставропольском противочумном институте, и в 1957 году обосновался в Иркутском противочумном институте. Человек-легенда в противочумных кругах, имевший потрясающее чутье на «живую» чуму. Смирнов участвовал в обследовании потенциально опасных территорий и изучении природных очагов чумы Средней Азии, Северного и Западного Прикаспия, Закавказья, Северного Кавказа, Горного Алтая, Тувы, Забайкалья, МНР и Западного Китая. Открыл десятки природных очагов чумы в СССР, МНР и КНР, принимал непосредственное участие в ликвидации 24 вспышек чумы, вспышек туляремии, сибирской язвы, сыпного и брюшного тифа. Научные исследования Смирнова посвящены разработке вопросов эпизоотологии, эпидемиологии, и особенно — профилактики чумы. Полученные данные обобщены в кандидатской «Эпидемиология чумы в Семиречье» (1946), докторской «Вакцинопрофилактика лёгочной чумы» (1965) диссертациях и в 78 опубликованных работах. Вошёл в историю медицины своим открытием нового метода вакцинации людей через конъюнктиву глаза, поставив на себе опаснейший эксперимент в 1950 году. Об этом подробно описано в документальной повести И. Куренкова «Проверить на себе» (1967). Награждён орденом «Полярная Звезда».

При проведении эксперимента в одной из монгольских лабораторий русскому врачу Смирнову случайно в глаз попала струя из шприца с высоковирулентным штаммом чумы. Он моментально протер глаза сулемой, ею же обтер лицо и шею и даже немного проглотил, тщательно промыв водой все возможные участки поражения. К счастью, он не заболел, но поскольку он знал, что заразиться чумой можно и через конъюнктиву, ему пришла в голову мысль о возможности вакцинации человека через саму конъюнктиву, что он впоследствии и доказал.

Со слов А. Шекина, зятя Смирнова: «Василий Павлович порой делился со мной своими воспоминаниями. Как-то он мне рассказал, что в шестидесятые годы его частенько вызывали в контору КГБ и просили поделиться впечатлениями об очередном полевом сезоне. Дело в том, что у них возникло подозрение: куда бы профессор ни приехал, на любую противочумную станцию или её отделение, там всегда обнаруживали чуму. Возник вопрос: не подкидывает ли он там тайком чумную палочку, чтобы потом её и обнаружить? Он, признаться, побаивался,

не заведут ли на него дело, арестуют и в каталажку. Времена-то были строгие, подозрительные...».

Со слов А. Даниленко, эпидемиолога: «База тувинского противочумного отряда в Мугур-Аксы. Перед крыльцом обширный кусочек типичной монгольской степи, окруженный забором. Утро, стою на крыльце, курю. Выходит Василий Павлович, закурил. Пригляделся и говорит: «Толик, ты видишь во-о-о-н того суслика метрах в пятидесяти?» Я не вижу, ещё не проснулся. «Что-то он мне не нравится, отлови его». Его слово для меня — закон, отловили. Посеяли ткань селезёнки на агар-агаре, и через несколько дней выявили чуму!! Мать честная, обнаружить чуму на территории противочумной базы! Такого еще не бывало! Но произошло...»

...Однажды, собрав сотрудников противочумной станции, он подвернул штанину брюк, на глазах изумлённых коллег сделал скальпелем с десяток порезов на голени и втёр в них ткань кишевшей чумными микробами селезёнки... Затем объявил, что начинает опыт в подтверждение своего предположения о вакцинации от возбудителя чумы через конъюнктиву глаза. До этого он провел десятки, если не сотни экспериментов на животных (даже на дорогущей обезьяне, которую-таки ему прислали в лабораторию). Убедившись на практике в правильности своей идеи, он заранее ввёл в конъюнктиву глаз живые ослабленные штаммы чумной и переболел слабой формой чумы. Теперь же, заразившись настоящей чумой, ему пришлось, в условиях строгого карантина (в отдельной палатке), в течение многих дней вести дневник наблюдений за развитием болезни и её окончательным исходом. Ученый оказался прав, и он выздоровел, доказав новый способ вакцинации людей от чумы, тем самым внося свой вклад в историю медицины. Согласно статистике, этот метод вакцинации спас от заражения чумой свыше 160000 монголов...

Подъехали к границе сомона. На мощной плите установлены три квадратных столба с навершиями из золотистых металлических шаров. На среднем, самом высоком столбе, старинная эмблема Монголии «соёмбо» (XVII–XVIII вв.), по столбам поперёк бежит крупными буквами надпись в две строки: сверху З А Г, ниже С У М. Недалеко массивный «обо», диаметром метра два, с мощными полукруглыми камнями в основании, но только без цветных тряпочек.

И наконец-то мы подъехали к историческому сердцу Монголии! Здесь на приземистом круглом холме в центре обширной долины в 1206 году в присутствии более 200000 найманов и воинов Великий Курултай провозгласил Тэмуджина Великим Ханом — Чингисханом («Повелитель воды»), и сейчас здесь возвышается величественный монумент, поставленный благодарными монголами ровно восемьсот лет спустя! На полукруглом постаменте возвышается массивная глыба из серого гранита с высеченной на ней барельефом фигурой грозного завоевателя, покорителя народов и времен. В ногах каменная плита с высеченным на ней древним символом Монголии — месяц, солнце, огонь. Над фигурой на четырёх столбах круглая крыша из красного дерева, вокруг девять столбов в честь его полководцев; каждый столб тросиком привязан к крыше. Метрах в двухстах на солидной бетонной плите красуются девять вертикально укрепленных бунчуков из конских хвостов вокруг центрального, ханского. Зрелище впечатляющее, в воздухе веет достоинством, славой и вечностью...

...Моя мама, Елена Константиновна Демидова, врач-бактериолог и паразитолог, родилась 3 августа 1915 года в г. Вятке. После окончания в 1939 году Иркутского мединститута работала научным сотрудником Иркутского противочумного института (родились Слава и Валера). В 1944–1947 годах Демидова — начальник противочумной станции в Дзюк-Сомоне, МНР (родился я), в 1947–1950 годах — начальник вакцинного отдела Центральной улан-баторской противочумной станции. По возвращении в СССР в 1950 году работала врачом Приволжской противочумной станции (родился Сергей, младший брат), с 1952 года в Ставропольском противочумном институте (родились Зина и Ольга, младшие сестры). С 1958 года до выхода на пенсию в 1965 году работала в Иркутском противочумном институте. Принимала участие в противоэпидемической работе в очагах чумы Приволжья, Закавказья, Средней Азии, Монголии. За время работы в МНР во время ликвидации вспышек чумы собрала большую и очень ценную коллекцию эктопаразитов со степных зверьков Хангая и Тайшири. Её именем назван новый вид иксодовых клещей — *Haemaphysalis demidovi Eteyanova*. Опубликовала десять научных работ. Награждена орденом «Полярная Звезда».

* * *

Мы проехали дальше и вскоре расположились на пикник в широкой долине на берегу небольшой, но очень живописной речушки, расстелили у машины кусок полотна, разложили нехитрую снедь. Нас, кстати, в этой прощальной поездке сопровождали брат председателя и главный врач районной больницы, высокий статный симпатичный монгол 26 лет, неотразимо смотревшийся в своем синем дели (халате) и сине-голубоватой шляпе. И вот, проникнувшись красотой родной природы и торжеством момента, он своим сильным голосом спел нам победную и мелодичную песню о Монголии. Вслед за ним пропела нам песню своим нежным голоском и Халиум. Тут уже и Галя, сестра, не удержалась и с воодушевлением спела русскую народную песню. Все были в восторге, но настало время прощаться, а нам предстоял неблизкий путь до Баянхонгора. На сей раз обратный маршрут пролегал несколько другим, более, как оказалось, длинным путём, чтобы, как признались потом гостеприимные хозяева, показать нам дивные виды глубинной Монголии. Дорога, теперь уже строго однопутная, стойбищная, бежала то по дну долинки, то взлетала на холмик, устремлялась вниз, пересекала целинное поле, прижималась к живописным скальникам, а то и проныривала сквозь скальные ворота, но всегда вырывалась на простор...

Подъехали к белой юрте в долине. Нас, разумеется, не ждали, но приняли гостеприимно, ввели в юрту, усадили, принялись угощать монгольскими сладостями, нечто вроде кусочков сушёного сыра, пропитанных сахарным сиропом и бараньим жиром. Слегка растерявшаяся от неожиданных гостей хозяйка, полная краснощёкая женщина с годовалой дочуркой на руках, старалась угодить нам как могла. Зашёл её муж, на вид гораздо моложе жены, прибрал на руки растерявшегося трехлетнего сына, предложил нам самодельное архи. Мы, в свою очередь, — своё архи.

Я вышел во двор, точнее в чистое место между юртой и коновязью. К ней был привязан лохматый як, подозрительно на меня покосившийся. Вдруг на низкорослых лошадаках подъехали два монгола, соскочили наземь и уставились на меня. Я знаком показал, нельзя ли сесть на коня и проехать несколько шагов. Меня тут

же посадили в седло, показали, как рулить конем, и я с гордостью проехался несколько шагов по бескрайней монгольской степи! Познакомившись и установив дружбу, пошли в юрту. Халиум уже отобрала девчущку у хозяйки и с упоением возилась с ней, дамы что-то чинно кушали и разговаривали, хозяин занимался с оторопевшим сыном.

Но пора было ехать дальше. Тепло распрощавшись, помчались дальше. Мечтаю попасть в эту юрту снова и вручить им фотографии, которые успел сделать. Монголы, вообще говоря, любят памятные фотографии, и с удовольствием развешивают их по стенам своей юрты.

* * *

...Ещё одним активным участником борьбы с «чёрной смертью» в Монголии был Пётр Прокопьевич Тарасов, известный ученый-биолог, труды которого собираются переиздать на биологическом факультете МГУ, в Википедии помещён обширный материал о его жизни и научной деятельности. Он также был командирован в МНР в 1944 году в составе упомянутой группы эпидемиологов. Тарасов родился 7 апреля 1907 года на берегах Лены в селе Знаменка Иркутской губернии. Работал заведующим сельской избой-читальней, сельским учителем математики, охотоведом и смотрителем Баргузинского заповедника; после окончания биофака ИГУ (1941) работал зоологом ПЧС в Чите. В мае 1944 года командирован в Монгольскую Народную Республику, где участвует в подавлении вспышек чумы, изучает причины и механизм чумной энзоотии, экологические факторы укоренения чумы в природе, прежде всего среди сурков, разрабатывает методику наблюдения за хищными птицами, «индикаторами чумы», и сбор от них материала с целью получения информации об этой особо опасной инфекции путем отбора у птенцов принесенной родителями пищи, или изучением их погадок, выделяя при этом культуру чумы; поиски возбудителя обычными способами исследования огромного числа грызунов очень часто оказывались безрезультатными. Участвует в многомесячной экспедиции в пустыне Гоби. В 1947–1953 годах — научный сотрудник зооотдела Иркутского противочумного института, постоянно участвует в экспедициях и инспекторских поездках, занимается исследовательской работой на Дальнем Востоке, Южном Сахалине, в Туве и на Алтае. В конце 1950-х участвовал в длительной совместной Советско-Китайской экспедиции. Полученные данные обобщены в кандидатской диссертации на тему «Позвоночные Южного Хангая и некоторые черты их экологии» (1953). С 1953 г. — зоолог, начальник зоологического отдела Пржевальской противочумной станции. Выполнил серию работ по биологии сурков Монголии, Забайкалья, Алтая, Тувы, в которых описал видовой состав и распространение, дал обзор способов добычи. Изучал экологию и восприимчивость к чуме высокогорной полёвки, экологию монгольской пищухи. Награждён орденом МНР «Полярная Звезда».

Отменный охотник и природовед, пылкий учёный-эколог, знаток жизни животных и пернатых, он также был прекрасным таксидермистом, и многочисленные изготовленные им чучела животных и птиц, участвующих в «круговороте чумы в природе», до сих пор занимают своё почетное место в музее Байянонгорского отделения Центра зоонозных инфекций.

Его жена Надежда Ефимовна с двумя, а затем уже с тремя дочками, во время командировок мужа проживала в Улан-Баторе. В 1947 году семья Тарасовых

вернулась в СССР, в Иркутск. Надежда Ефимовна родилась 1 сентября 1919 г. в Бурятии на ст. Мысовая. После окончания в 1941 г. биофака ИГУ работала паразитологом на Читинской противочумной станции, в 1944–1947 гг. — зоологом на Улан-Баторской противочумной станции. Участвовала в экспедиции в пустыне Гоби. За период работы в Монголии собрала ценные коллекционные материалы. В 1948–1953 гг. — научный сотрудник Иркутского противочумного института, с 1953 г. — зоолог Пржевальского отделения Киргизской противочумной станции. Ежегодно участвовала в длительных экспедициях в горах Тянь-Шаня, проводя работы по изучению структуры горных сурочьих очагов чумы. После смерти мужа со всеми пятью ребятами вернулась в Иркутский противочумный институт, где с 1961 г. работала сначала ученым секретарем, и затем до 1975 г. — библиографом научной библиотеки ИПИ. Автор нескольких научных работ.

* * *

По пути подъехали к одинокой юрте в небольшой долине. Я вылез из «рафика» и направился к юрте. Из-за неё вылетели два внушительного вида пса и бросились ко мне. Опыт в таких ситуациях у меня есть, я очень строго посмотрел им в глаза и резко цыкнул им что-то, и псы попятились назад. Подошёл к двери, крикнул, но хозяев дома не оказалось. В юрту я заходить не стал — без приглашения нельзя, иначе это будет тяжёлым оскорблением для монгола. Поднял глаза и ахнул! По склону довольно высокой и отлогой горы паслись несколько десятков животных — козы повыше, овцы пониже. Около сотни, большей частью почему-то коз и козлов, уютно расположились вдоль и вокруг извилистой речушки и небольших озерков. Я схватился за фотоаппарат — час был предвечерний, свет ровный и немного рассеянный: идеальное время для кино- и фотосъёмки.

Пошёл по тропе дальше, прошёл мимо нескольких огромных коробов с кизяком — зимним топливом для очага. И тут передо мной обнаружилось живописное стадо яков с пушистыми хвостами почти до земли (когда-то из них изготавливались пышные парики для модниц), свисающей по бокам длинной шерстью. Кто-то стоял, кто-то лежал, малыши толкали матерей в бока, разыскивая вымя. Мирная идиллия!

Вскоре подкатили к выложенной отдельными блоками, покрашенными в разные цвета, высокой скале. Рядом возвышался огромный валун метра четыре-пять вышиной, на гладкой стороне которого были тщательно нарисованы две буддийские фигуры, — «Скала Бога», святое место для монголов.

Я отошел немного назад и снова ахнул! Слева из-под скалы вылезла каменная голова исполинской черепахи, на ней были высечены старомонгольской вязью какие-то письмена. Внизу растянулась широкая долина, к которой сбегала дорога, ведущая к двум отдалённым белым юртам, за ними река с озерками; в отдалении каменистые холмы, а на заднем плане — мощная гряда зеленоватых гор! Думается, это мой любимый монгольский пейзажный кадр.

Уже в сумерках подъехали к подошве горы с видом на озеро с двумя плавающими величавыми лебедями и белой юртой на берегу. Начинало темнеть, шофёр включил фары, выехали на просторную седловину, вдаль послышался глухой ровный шум, и тут в машине полетел двигатель! Шофёр взялся за свое ремонтное дело, нам объяснили, что везли нас к знаменитому водопаду, которого теперь уже не рассмотреть. Тут же разложили на земле плащ-палатку и соответствующую

закуску, ждать пришлось долго. Так долго, что отъехали только через пару часов, по пути несколько раз теряли дорогу, шофёр, как степной корсак, рыскал по тропам и целине и, найдя направление, тут же терял ориентир. Похоже, эта дорога была для него малознакома. Так или иначе, приехали на противочумную станцию около 11 часов вечера. Нас уже давно ждали дисциплинированные сотрудники, человек двадцать, молодые и симпатичные врачи и лаборанты. Нас представили, вручили подарки, угостили кумысом, накормили и уложили спать в карантинном боксе Отделения. Рано утром мы оправались на автобусе в Улан-Батор и к вечеру добрались до него без особых приключений.

Наступил последний день нашего пребывания в столице МНР. После ленивого завтрака нам предложили посетить знаменитый рынок Нарантул, бывший «Чёрный рынок», сейчас нечто вроде блошиного рынка и большого универмага в нём, чтобы что-нибудь купить для себя и родни. Огромная шумная территория, с большими крытыми залами и открытыми рядами на открытом воздухе. Здесь можно купить всё — от запчастей к старым советским «Москвичам» до, по-видимому, живой скотины. Ведь вдоль долины города по холмам тянется большое количество юртоградов, заселённых десятками тысяч аратов — переселенцев из провинции, ищущих в столице свое счастье или работу. Монголы — народ неприхотливый: обзавёлся участком, поставил заборчик, юрту и, возможно, нужник, завёл пару овец или коз — живи, не хочу! Проблем у них много: с водо- и электроснабжением, канализацией, дорогами, но прижились. Если случается порой излишек скотинки — можно продать на рынке, или же кому-то из городских просто захочется парной баранинки!

Нас сразу предупредили, что воров в этом злачном месте не меньше, чем в Багдаде, нужно держать ухо востро, а застёгнутый карман под присмотром. Куда там! Я иду, как натуральный иностранец, очки, борода, на шее болтается фотоаппарат, глазею по сторонам... И вдруг в тесном проходе, пощупав заветный правый карман, набитый купюрами, понял, что он пуст. Я резко остановился, что-то гаркнул, посмотрел под ноги и увидел на земле солидный ворох монгольской валюты. Не менее резко я растолкал вокруг себя монголов, сел на корточки и спокойно подобрал деньги — около 150000 тугриков. Уловил чей-то острый взгляд. Галя и наши провожатые были в ужасе. Меня, как я понял позже, долго «вели» по рынку, устроили в проходе небольшую давку, расстегнули карман, а когда я дернулся, они тут же сбросили деньги на землю. Пройди я пару шагов дальше, и всё — плакали бы мои денежки! Я ещё долго, даже в гостинице, каждые пять минут машинально хватался за карман. Себе же, впрочем, я купил на сэкономленные деньги кожаный пиджак — заслужил!

Перед отъездом на вокзал нас пригласил в кафе сам директор Центра зоонозных болезней доктор Д. Цогбадрах, весьма занятой человек и большой-большой «дарга». Мы поделились впечатлениями о своей поездке в глубинную Монголию и обменялись остатными подарками.

Вечером мы сели на поезд «Улан-Батор – Иркутск» и через полтора суток благополучно прибыли в родные края. Goodbye Mongolia! We'll be back again!

* * *

В вышеупомянутой монографии, в соответствующей главе, повествующей о зарождении и становлении противочумной службы в МНР, помещены фотогра-

*фши людей, стоявших у её истоков: доктор медицинских наук Василий Смирнов (1901–1976), научный сотрудник Елена Демидова (1915–2004), кандидат биологических наук Пётр Тарасов (1907–1960), его жена научный сотрудник Надежда Тарасова (1919–2005) и доктор медицинских наук Валентина Тарасова (1924–2014), моя тётя, работавшая в природных очагах чумы в МНР, доктор медицинских наук, эпидемиолог и зоолог Михаил Тарасов (1929–2017), доктор биологических наук, охотовед и зоолог Константин Беловежец, внук Петра Тарасова, Галин сын, как и дед, специалист в области экологии животных, защитил в МГУ диссертацию на тему «Математическое моделирование температурного режима нор наземных беличьих (*Marmotinae*) в период спячки», в которой исследовал образ жизни различных сурков, включая монгольского тарбагана и сусликов. Так что моя семья и весь клан Тарасовых были связаны с работой в системе противочумной службы в России и в Монголии или изучением жизни животных в природных очагах чумы.*

После погашения активного очага чумы моя семья переехала в 1947 году в Улан-Батор (где наконец-то автору данной статьи выписали свидетельство о рождении), где работала до 1950, с последующим возвращением семьи во главе с Василием Смирновым в СССР.

Мы очень любили и любим нашу маму Елену Константиновну. Она прожила долгую, насыщенную и интересную жизнь, как специалист и как мать большого семейства. Семь детей от любимых и уважаемых мужчин (годовалая дочка Верочка умерла в Монголии от желтухи, и это было жестоким ударом судьбы для мамы). Спокойная, умная, образованная женщина, интеллигент в пятом поколении, с каплей «голубой» крови от бывшего дворянина Константина Ляпунова, её отца, род которого исчислялся веками. В нашей профессорской семье, а иногда количество её членов доходило до 12 человек, кормились в две смены — сначала дети и молодежь, потом взрослые, — никогда не было ни споров, ни разногласий. Её уважали все, даже многочисленные невестки, которые порой не ладили со своими родными. Её, по-моему, несколько побаивался и сам Смирнов, в быту очень скромный человек — мама была весьма характерная женщина. Теперь они все трое, включая бабу Зину, лежат вместе на кладбище под Иркутском. Пусть земля будет им пухом, и Царство им Небесное!

* * *

Р. С. Я вернулся в Монголию ровно два года спустя, в августе 2017 года. На этот раз снова вместе с сестрой Галей, братом Сергеем (сыном Василия Смирнова) и съёмочной группой во главе с режиссёром Еленой Туринцевой и двумя операторами. Идею фильма о советских врачах, сражавшихся с чумой в Монголии, Елена позаимствовала у Гали, из её рассказов о своих родителях. Затем был написан сценарий, получивший одобрение в Москве, сделаны предварительные «домашние» съёмки в Иркутске. После сбора необходимых материалов, установления нужных контактов и тщательной подготовки все мы, на двух машинах, отправились в Монголию для съёмки исторических мест, ознакомления с нынешним состоянием исследования зоонозных инфекций и, главное, встреч с очевидцами событий 1944–1947 годов в аймаке Баянхонгор и сомоне Заг. Добравшись до Улан-Батора, мы направились в Баянхонгор, оттуда в летний лагерь противочумного отряда местного Отделения центра зоонозных болезней, и наконец прибыли

в Заг, где встретились с местными жителями, ещё помнящими те далёкие времена, эпидемию чумы, противочумную станцию, мою маму и отца, и даже моих старших братьев. Опуская детали нашего увлекательного путешествия (около 4500 км в оба конца), мелкие и даже серьёзные приключения, скажу лишь, что все задачи наша творческая группа успешно выполнила.

И сейчас идёт обобщение собранных и отснятых материалов и монтаж документальной драмы «Победившие «чёрную смерть», в основу которой легла реальная история борьбы с чумой советских ученых в 40-х годах прошлого века в Монголии.

В прошлом, 2019 году, мы с Галей, режиссёром фильма Еленой Туринцевой и оператором съездили в Киргизию, в город Каракол (бывший Пржевальск), в котором на местной противочумной станции до своей кончины работал Пётр Тарасов, наш с Галей отец. Цель поездки была посетить станцию, последнее место работы отца, а главное, найти могилу отца и привести её в порядок. Не без труда (а прошло 59 лет, как умер отец!) могилу всё-таки нашли, очистили от зарослей и поставили новый памятник с портретом. Этот материал также войдёт в фильм.

* * *

Эпилог. Помнится, как в 1987 году, когда в Иркутске гостил классик мировой литературы Грэм Грин с женой Ивонной и его московской переводчицей Татьяной Кудряшовой, на Байкале, в гостинице, за обеденным столом и, как на грех, в день моего рождения, я решил в шутку разыграть нашего уважаемого гостя по поводу одной из знаменательных дат двадцатого века. На вопрос, когда официально завершилась Вторая мировая война, восьмидесятидвухлетний мэтр, откинувшись в кресле, с подозрением взглянул на наши довольные лица (на меня и Ростислава Филиппова, прекрасного поэта, председателя Иркутского Союза писателей и организатора пребывания мэтра в нашем городе), и явно чувствуя подвох, простодушно произнёс: «Ну, где-то в начале мая 1945 года...» Уж он-то знал это наверное, коль скоро ему был ведом опыт службы во время войны в качестве штатного резидента британской разведки в бескрайних африканских тропиках. Я кротко заметил, что, мол, вопрос касается не Великой Отечественной, когда мы победили фашистов, а Второй мировой, когда был повержен последний японский агрессор. Классик немного призадумался и поправился, сказав, что сие событие имело место быть в конце августа — начале сентября. «2 сентября 1945 года! Вот в этот-то день я и родился!» — торжественно заверил его я и предложил выпить за данное историческое событие. Затем я пожаловался, что, дескать, на Кубе, в честь штурма казарм Батисты, каждые пять лет вручают соответствующую памятную медаль одному и тому же мальчику, юноше и мужчине, которого угораздило родиться в тот памятный день. А мне же, несмотря на несравнимо больший масштаб и значимость события, — ни одной медальки или хотя бы грамотки. Грэм Грин внимательно прослушал эту галиматью, понял подтекст и поднял тост за меня как за символ послевоенного мира на Земле.

...Через два месяца Грэм Грин прислал мне в подарок свой последний роман «Монсеньор Кихот» с дарственной надписью:

«Дорогой Марк. Прими небольшое напоминание о твоём дне рождения, который мы отпраздновали вместе. С любовью от Грэма + Ивонна».

Послесловие к эпилогу. Символика — великая вещь, и я очень благодарен своим родителям, что они так тщательно спланировали мой день рождения!